

ДЖЕКИ,
КЕЙТЛИН,

девчонкам
из моих
городских
фантазий

1

Я почувствовала страх еще до того, как услышала крики.

Ее ночной кошмар пульсировал внутри, вытряхивал меня из сна, в котором присутствовали побережье и сексапильный парень, втирающий мне в кожу масло для загара. Сознание заполнили ее образы — не мои: огонь и кровь, запах дыма, искореженный металл автомобиля. Страшные картинки обволакивали меня, душили, и так продолжалось до тех пор, пока некая рациональная часть сознания не напомнила, что это чужой сон.

Я проснулась, пряди длинных темных волос прилипли ко лбу.

Лисса металась и кричала во сне. Я выбралась из постели и быстро преодолела несколько разделяющих нас футов.

— Лисс! — Я потрясла ее. — Лисс, проснись!

Крики смолкли, сменившись тихим хныканьем.

— Андрей... — простонала она. — О господи!

Я помогла ей сесть.

— Лисс, ты не там. Очнись.

Спустя несколько мгновений ее веки затрепетали и поднялись. Даже в тусклом свете было видно, что сознание в ней начинает брать верх над тем, что держало ее во сне. Бурное, прерывистое дыхание успокаивалось, и она склонила голову мне на плечо. Я обняла ее, провела рукой по волосам.

— Все в порядке, — мягко приговаривала я. — Успокойся, все хорошо.

— Мне снова приснился тот же сон.

— Да. Понимаю.

Так, в полном молчании, мы просидели несколько минут. Почувствовав, что она успокоилась, я потянулась к ночному столику и включила лампу. Она давала мало света, но, в общем, большего и не требовалось. Привлеченный светом соседский кот Оскар вспрыгнул на подоконник раскрытого окна.

Он избегал меня — по какой-то причине животные не любят дампиров, — но прыгнул на постель и, негромко мурлыча, потерся головой о Лиссу. С морями у животных не возникает проблем, и к Лиссе они были в особенности равнодушны. Улыбаясь, уже практически успокоившись, она почесала его под подбородком.

— Когда было последнее «кормление»? — спросила я, вглядываясь в ее лицо.

Кожа бледнее обычного, темные круги под глазами и общее впечатление слабости. На этой неделе занятий в школе было много, и я не могла вспомнить, когда в последний раз давала ей кровь.

— Кажется... больше двух дней назад? Три? Почему ты молчала?

Она пожала плечами, избегая моего взгляда.

— Ты была занята. Я не хотела...

— Глупости! — Я уселась поудобнее.

Неудивительно, что она выглядела такой слабой. Оскар, избегающий соседства со мной, спрыгнул на пол, а потом снова на подоконник, откуда мог наблюдать за нами с безопасного расстояния.

— Давай! Нечего тянуть.

— Роза...

— Давай! Тебе станет лучше.

Я наклонила голову и откинула волосы, обнажив шею. Лисса все еще колебалась, но вид моей шеи оказывал слишком мощное воздействие. По ее лицу скользнуло голодное выражение, губы слегка раздвинулись, и стали видны клыки, которые она скрывала, оказываясь среди людей. Эти клыки странно контрастировали с ее обликом. Хорошенькое личико и светлые волосы делали ее больше похожей на ангела, чем на вампира.

Она потянулась к моей обнаженной коже, и мое сердце заколотилось от страха и предвкушения. Позже мне всегда становилось тошно из-за того, что я испытывала эти чувства, но избавиться от них было выше моих сил — слабость, с которой ничего не поделаешь.

Клыки вонзились в тело, и краткая вспышка боли заставила меня вскрикнуть. Потом боль исчезла, сменившись удивительным, золотистым ощущением радости, растекшимся по всему телу. Это лучше, чем выпивка или травка, лучше, чем секс, — по крайней мере, так мне казалось, поскольку я, увы, не знала ни того ни другого. Покров чистейшего, рафинированного удовольствия окутал меня, даруя обещание, что все на свете будет хорошо. Химические вещества в ее слюне инициировали выброс эндорфинов, и я потеряла всякое представление об окружающем мире и даже о том, кто я такая.

Вскоре, к сожалению, все кончилось. Это заняло не больше минуты.

Откинувшись и вытирая рукой губы, она разглядывала меня.

— Ты в порядке?

— Я... Да. — Голова кружилась от потери крови, и я откинулась на постель. — Просто нужно немного поспать. А так со мной все прекрасно.

Взгляд ее бледно-зеленых — «нефритовых» — глаз был с тревогой прикован ко мне. Она встала:

— Принесу тебе поесть.

Я запротестовала, но вяло, и она вышла, прежде чем непослушными губами я сумела что-то пролепетать. Кайф от укуса уменьшился, как только она разорвала контакт, но кое-что еще оставалось в моих венах, и я почувствовала, как губы расплываются в глупой улыбке. Повернув голову, я посмотрела на Оскара, по-прежнему сидящего на подоконнике.

— Ты понятия не имеешь, чего лишен, — сказала я ему.

Его внимание привлекало что-то снаружи. Он припал к подоконнику — черная шерсть встала дыбом, хвост подергивается. Моя улыбка увяла, и я заставила себя сесть. Меня одолел приступ головокружения, и я ждала, пока он прекратится, прежде чем попытаться встать. Но едва поднялась на ноги, дурнота вернулась и на этот раз не желала уходить. Тем не менее у меня хватило сил дотащиться до подоконника и вместе с Оскаром выглянуть наружу. Он настороженно посмотрел на меня, слегка отодвинулся и снова вернулся к тому, что привлекло его внимание.

Теплый ветерок — необычно теплый для портлендской осени — играл моими волосами, когда я высунулась наружу. На улице было темно и относительно

спокойно. Три часа утра — единственное время, когда кампус колледжа успокаивался, по крайней мере отчасти. Дом, в котором вот уже восемь месяцев мы снимали комнату, располагался на улице со старыми, разномастными домами. Через дорогу мигал уличный фонарь, чувствовалось, что он вот-вот перегорит. Однако пока он давал достаточно света, чтобы я могла разглядеть силуэты автомобилей и зданий, а в нашем дворе — деревья, кусты... и наблюдающего за мной человека.

Я удивленно отшатнулась. Он стоял на расстоянии около тридцати футов под деревом, откуда легко заглядывать в наше окно. Достаточно близко, чтобы я могла швырнуть в него чем-нибудь. И уж совершенно точно, достаточно близко, чтобы видеть, чем мы с Лиссой только что занимались.

Он так сильно утопал в тени, что даже своим обостренным зрением я не могла разглядеть его толком, за исключением роста. Высокий. По-настоящему высокий. Едва различимый, он стоял там всего мгновение, а потом отступил и исчез в тени деревьев в дальнем конце двора. Я была уверена, что заметила там еще кого-то. Потом они встретились, и тьма поглотила обоих.

Кем бы они ни были, Оскару они не нравились. Не считая меня, он обычно ладил с большинством людей, начиная тревожиться лишь в том случае, если от кого-то исходила опасность. Тип снаружи никак не угрожал Оскару, но кот что-то почувствовал — что-то, заставившее его насторожиться.

Холодный страх пронзил меня, почти — но не целиком — погасив изумительный кайф от укуса Лиссы. Отойдя от окна, я нашла на полу джинсы, натянула их, чуть не свалившись при этом, схватила наши

с Лиссой куртки и бумажники. Сунула ноги в первые попавшиеся туфли и устремилась к двери.

Она была внизу, в тесной кухоньке, рылась в холодильнике. За столом сидел один из наших соседей, Джереми, приложив ко лбу руку и с тоской глядя в учебник математики. Лисса удивленно посмотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь?

— Нужно уходить. Немедленно.

Она широко распахнула глаза, но спустя мгновение в них мелькнуло понимание.

— Ты... Это точно? Уверена?

Я кивнула. Не знаю почему, но я была уверена. Никаких сомнений.

Джереми с любопытством наблюдал за нами.

— Что случилось?

У меня мелькнула идея:

— Лисс, возьми у него ключи от машины.

Он переводил взгляд с меня на нее и обратно:

— Что вы...

Лисса без малейших колебаний направилась к нему. Благодаря нашей психической связи я чувствовала ее страх и безграничную веру в то, что я позабочусь обо всем и мы будем в безопасности. Как обычно, я от всей души надеялась, что стою ее доверия. Она широко улыбнулась и посмотрела прямо ему в глаза. Мгновение Джереми просто глядел в ответ, все еще в недоумении, но потом стало ясно — он полностью подчинен. Глаза остекленели, он взирал на Лиссу как на божество.

— Нам нужно на время взять твою машину, — мягко сказала она. — Где ключи?

Он улыбнулся, а я содрогнулась. Я обладала высокой сопротивляемостью к принуждению, однако в ка-

кой-то степени ощущала его воздействие, когда оно было направлено на других. Ну и вдобавок всю жизнь меня учили, что использовать его нехорошо. Джереми достал из кармана ключи на длинной красной цепочке и вручил Лиссе.

— Спасибо, — сказала она. — Где припаркована машина?

— Дальше по улице. На углу рядом с «Брауном». В четырех кварталах отсюда.

— Спасибо, — повторила Лисса. — Как только мы уедем, ты вернешься к своим занятиям и забудешь, что видел нас сегодня ночью.

Он услужливо закивал. Складывалось впечатление, что он шагнул бы с обрыва, попроси она его. Все люди восприимчивы к принуждению, однако Джереми, похоже, особенно. Повезло — учитывая момент.

— Пошли, — сказала я Лиссе. — Нужно поторопиться.

Мы вышли наружу и направились к тому углу, о котором он говорил. У меня после укуса все еще кружилась голова, я то и дело спотыкалась и не могла идти так быстро, как хотела. Несколько раз едва не упала и устояла на ногах лишь благодаря помощи Лиссы. Тревога передавалась мне. Я изо всех сил старалась игнорировать ее, у меня и своих страхов хватало.

— Роза... что мы будем делать, если нас схватят? — прошептала она.

— Не схватят. Я не допущу этого.

— Но раз они нашли...

— Они и раньше находили нас. Но не схватили. Сейчас мы поедem на вокзал, а оттуда в Л.-А.¹ Они потеряют наш след.

¹ Л.-А. — Лос-Анджелес (Здесь и далее примечания переводчика).

Я постаралась создать впечатление, будто проблем никаких нет. Я всегда так делала, хотя что уж тут простого — убегать от людей, которых знаешь чуть ли не с рождения? Мы на протяжении двух лет прятались от них где могли и просто пытались окончить среднюю школу. Выпускной год только-только начался, и, казалось, в кампусе колледжа безопасно. Мы были так близки к свободе!

Больше она ничего не сказала, и я почувствовала, как в ней снова проснулась вера в меня. Так было всегда. Я воплощала в себе действующее начало, хотя временами совершала безрассудные поступки. Она была благоразумнее и, прежде чем начать действовать, старалась осмыслить происходящее, выбрать наилучший вариант. Обе линии поведения имели свои преимущества, однако в данный момент требовалось безрассудство — времени на обдумывание не было.

Мы с Лиссой стали лучшими подругами еще в детском саду, когда воспитательница посадила нас вместе на уроках письма. Заставлять пятилетних детей выводить «Василиса Драгомир» и «Розмари Хэзевей» — это было за гранью жестокости, и мы — или, точнее, я — реагировали соответственно. Я бросила в воспитательницу книгой и обозвала ее фашисткой. Я понятия не имела, что это слово означает, но умения попадать в движущуюся цель мне уже тогда было не занимать.

С тех пор мы с Лиссой неразлучны.

— Слышишь? — неожиданно спросила она.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы уловить то, что более обостренное восприятие Лиссы уже отметило. Шаги, быстрые шаги. Я состроила гримасу. Нам оставалось пройти два квартала.

— Придется бежать, — сказала я и для поддержки взяла ее за руку.

— Ты не сможешь...

— Бежим!

Понадобилась вся сила воли, чтобы не потерять сознание прямо на дороге. Тело отказывалось слушаться, то ли из-за потери крови, то ли из-за остаточного воздействия на метаболизм вампирской слюны. Но я запретила мышцам брюзжать, вцепилась в Лиссу, и мы рванули. Обычно я без малейших усилий перегоняла ее — в особенности если, вот как сейчас, она была босиком, — но этой ночью только благодаря ей не упала.

Преследующие нас шаги зазвучали громче, ближе. Перед моими глазами плясали черные звезды. Впереди уже показалась зеленая «хонда» Джереми. О господи, только бы добраться до нее...

В десяти шагах от автомобиля прямо перед нами возник человек. Мы резко остановились, и я за руку дернула Лиссу назад. Это был он, тот тип, которого я заметила, когда он наблюдал за мной. Старше нас, может, лет двадцати пяти, и действительно такой высокий, как мне показалось, — скорее всего, шесть-шесть¹ или шесть-семь. В других обстоятельствах — не тогда, когда он препятствовал нашему отчаянному бегству, — я бы сочла его сексапильным. Темные волосы до плеч, связанные сзади в короткий «конский хвост». Карие глаза. Длинное коричневое пальто — пыльник, так это, по-моему, называется.

Однако сексапильный он там или нет, сейчас это к делу не относилось. Сейчас он всего лишь препятствие, отделяющее нас с Лиссой от машины и свободы. Шаги сзади замедлились, преследователи догнали нас. Господи! Чтобы вернуть нас, послали почти дюжину

¹ Шесть-шесть — имеется в виду шесть футов шесть дюймов, то есть где-то под два метра; аналогично расшифровывается и шесть-семь.